

Сапожникова Г. Ситуация

ДНИ ЗАТМЕНИЯ

Она бежала по лестнице, отполированной сотнями и тысячами студенческих ног, и улыбалась. За окном шумела Москва, медицинский институт вовсю готовился к сессии и через несколько секунд должно было случиться то, что разделило потом ее жизнь на две половины: до травмы и после. Подняться со скользящего пола помогли ребята... После этого случая зрение 19-летней московской студентки Людмилы Дулиной стало резко падать.

Институт пришлось бросить. Вернулась к родителям, в Таллини, закончила с отличием медучилище и экономический техникум, вышла замуж. Рождение сына стоило ей потери зрения на один глаз, мир то сужался и приобретал очертания, то расплывался мягкими разноцветными пятнами. Но рядом был муж, когда становилось особенно плохо, он доводил до автобусной остановки, встречал с работы, поддерживал. Сейчас Люде — 35 лет, и мужа у нее нет. Ушел.

Внешне — хрупкая, почти девочка, а чувствует себя старухой. Говорят, обычно это чувство приходит позже, когда человека колышком сжимают болезни. Люду это кольцо обступило уже сейчас, потому что зрения у ней осталась — капелька: в одном глазу — 10 процентов, в другом — ноль. Ей бы давно уйти от своей технической документации, не работать, максимально растянуть эту оставшуюся капельку, махнув рукой на институтские подставки, 11-летнего Максима как-нибудь помогут поднять родители. Да только как тут уйдешь, если подо-

шла очередь на квартиру.

Первая очередь, в которую на основании группы инвалидности по зрению включили Людмилу (в начале работы была III группа, сейчас — II), двигалась восемь лет. Наконец Люда стала второй по счету — и весь 1988 год прошел под флагом будущей квартиры. Вернее, половина года, потому что ближе к лету Людмила Дулина почувствовала, что новой квартиры ей не видать. Решение перетасовать существующую восемь лет очередь принял совет трудового коллектива Научно-исследовательского института Таллинского отделения Гипрорыбфлота совместно с администрацией и профкомом. И постановил: новую квартиру дать другой сотруднице, стоящей в очереди четвертой.

Я не хочу касаться чисто юридической стороны дела — ясно, что все это было сделано просто неграмотно. На это, кстати, обратили внимание и члены квартирной комиссии Калининского райисполкома, которые не утвердили решение СТК. Во-первых, потому, что трудовой коллектив не может противостоять самому себе, ведь списки очередности всегда вывешивались на всеобщее обозрение и утверждались тем же коллективом. Во-вторых, квартиры, которую профком собрался через год предоставить Людмиле Дулиной, в распоряжении института еще нет. Там живет многодетная семья, которой и выезжать-то пока некуда.

Это — о юридической стороне, но здесь интересно другое: почему члены СТК под одобрительный гул собрания решили, что в этой обещан-

ной старой квартире со смежными комнатами Людмиле с сыном будет лучше, чем в новой, с изолированными комнатами, которую распределили только что. Поэтому я и еду в научно-исследовательский институт, где, по логике, сплещ и рядом должны работать одни ученые и исследователи (интеллигентные, в общем, люди), чтобы узнать: действительно ли воинствующее чувство справедливости способно объединить массу?

Из протокола совместного заседания администрации, профкома и совета трудового коллектива узнаю следующее:

Золотавкин Э.В. (директор института): «...Считаю, что мы должны обеспечивать людей квартирами не только в порядке очередности, но и с учетом квалификации специалистов».

Людмила Дулина: «Мне все время говорили: жди своей очереди. Теперь она подошла, но на следующий год окажется, что кого-то опять надо обеспечить жиьем. Каждый год меня будут отставлять».

Котилевич О.В. (председатель СТК): «Семье Дулиной (2 человека) больше походит освобождающаяся квартира со смежными комнатами. Самое удобное для нас — строго придерживаться очереди. Но есть еще желание удовлетворить максимальное

количество людей».

Сидоров А.Я., член СТК: «Институт должен думать и о своем будущем».

Бондаренко Ю.П., член СТК: «Голос коллектива надо принимать во внимание».

Это только одна часть протокола. Другую же, право, мне и цитировать неловко, потому что в другой части труженики научно-исследовательского института очень серьезно решают, как при выборах в парламент, кто заслужил квартиру больше — инвалид Людмила Дулина, работающая на полставки, или сотрудница Муза Богаутинова, отдавшая институту 17 лет и проживающая с мужем и десятилетней дочкой в крошечной одиннадцатиметровой комнатке.

Я не берусь осуждать безнравственность самого такого сравнения, потому что эту процедуру узаконило наше общество, когда наряду с множеством льготных законов (в том числе и закона очереди) ввело еще один — Закон о государственном предприятии, после чего это стало вполне нормальным — выбирать, кто лучше: ветеран или молодой специалист, работник сильный и перспективный, или больной, от которого отдача невелика. Виноваты в этом и многолетняя жилищная политика, которую гуманной назвать очень трудно, и система распределения, когда построенные по

одинаковому стандартному проекту квартиры одновременно раздавались бесплатно и продавались в ЖСК. Будь изначально все квартиры кооперативными, наверное, сейчас мы бы вспоминали об этом больном вопросе реже. Может быть, недавнее распоряжение Совета Министров СССР, дающее право выкупать государственные квартиры, положение стабилизирует. Но я не об этом. Сейчас меня волнует другое — как могло получиться так, что вместе с чувством социальной справедливости наше общество заразилось чувством справедливости воинствующей? И почему трудовому коллективу, кроме всех прочих производственных или научно-исследовательских дел, дано право решать личные дела? Вот постановил коллектив, что Людмиле Дулиной с сыном будет лучше жить в квартире со смежными комнатами, а не изолированными, и все тут. Ей-богу, не удивлюсь, если со временем услышу про такое: решением трудового коллектива велено бракосочетать таких-то гражданина и гражданку. А что, если коллектив решит, что так людям будет лучше?

Но сейчас не до смеха. Меня интересует механизм, который заставлял Людмилу Дулину выходить и унижаться перед огромным собрани-

ем. Рассказывать про разлад в семье, про то, как ей приходилось уходить ночевать к маме, про то, где и как она «заработала» травму. Да, да, последнее и я слышала лично от одной сотрудницы: дескать, ладно бы, у нас свою слепоту заработала — тогда бы и на квартиру могла претендовать, а то, думаешь, пришла инвалидом — уйдет инвалидом, инвалидностью прикрывается... Я не чувствую антипатии к этой женщине и не хочу обвинять ее в безнравственности, потому что знаю — она работает в институте 26 лет, а живет с двумя взрослыми сыновьями в двухкомнатной квартире, а в очереди стоит только десятой, а квартиру институту выделяют — счастье, если две в год... Система распределения загнала этого человека в угол, личная жилищная драма ее обозлила. Я попросила ее представить себя на месте Люды. Она подумала и ответила неуверенно: «По-человечески ее понять, конечно, можно...»

Вот и я тоже: по-граждански — всех понимаю. И Музу Богаутинову, измученную тремя квадратными метрами, приходящимися на каждого члена семьи, и сотрудниц ее отдела, бросившихся на защиту, и Олега Михайловича Ковалевского, председателя профкома. Он долго рисовал на бумаге квадратики квар-

тирных цепочек и рассказывал с гордостью, как несколько лет назад институту выделили всего шесть квартир, а расселить они смогли аж 11 семей. Потому и сейчас не хотят упускать освобождающуюся жилплощадь, хоть кому-нибудь ее предложить. По-граждански понимаю, а вот по-человечески понять не могу. Особенно когда слышу от вполне милых женщин: «Дулина и Богаутинова в сравнение не идут! Какая от нее (от Люды, то есть) отдача! Сейчас все инвалиды справки потащат, нормальным людям ничего не получить будет! Одна вон наша сотрудница нашла где-то справку, что муж — эпилептик и тоже в очередь пролезла...»

Коллега-журналистка, услышав эту историю, сказала философию: «Знаешь, я бы дала квартиру и той, и этой... 10 лет назад». Каламбур хорош, но грустна реальность, если уж за выстоянное, выстраданное в очереди Людмиле Дулиной нужно бороться. А сколько нам всем приходится тратить сил и времени на то, чтобы отстаивать элементарное — право на спокойную жизнь и доброжелательное обслуживание в магазине, право на нормальную и скорую «Скорую помощь», право на доброкачественную пищу в столовых, право на горячую воду, право на свежий хлеб и талончик на сахар... Самое страшное, что сами мы, того не ведая, привыкаем к этому и даже удивляемся, если человек, чья очередь подошла, не растапливает никого локтями.

Вот и на Люду Дулину сотрудницы из отдела ее неча-

янной соперницы смотрят теперь как на потенциальную жалобщицу. Что она может противопоставить? Прекрасные отзывы о работе? Но и Муза Богаутинова работает отлично. Или то, что волею обстоятельств она осталась одна с сыном, и в случае беды некому будет их защищать? То, что неприятности в этот год посыпались на нее, как из рога? Боюсь, все это бесполезно — потому что система наша построена так: случись у человека горе — и он автоматически лишается целого ряда льгот (выбывает из квартирной очереди, платит за лишние метры или того хуже — за бездетность в случае гибели своего ребенка. Были же такие варианты в семьях погибших в Афганистане солдат). Бесполезно, как и созывать новое собрание и еще раз рассказывать всему коллективу, что ждать целый год она никак не может, потому что по состоянию здоровья ей уже давно пора работать в Обществе слепых, что рецидив, который лишит ее глаза последней надежды, может случиться в любую минуту, что отдельная, изолированная комната ей нужна не для отдыха, для работы — если вдруг предстоит работать на дому, что в институт она придет только для того, чтобы быть с людьми, не чувствовать себя потерянной, и что доживать свой век ей придется в семье своего сына, поэтому в квартире с проходной комнатой будет плохо им обоим...

Плакать ей нельзя, потому что с каждой слезинкой из нее уходят остатки зрения.

Г. САПОЖНИКОВА.